

Стать Чудотворцем

Паата Амонашвили

Copyright © [Year of First Publication] by [Author or Pen Name]

All rights reserved.

No portion of this book may be reproduced in any form without written permission from the publisher or author, except as permitted by U.S. copyright law.

Contents

1. I. ИСПЫТАНИЕ	1
2. II. НАДЕЖДА	6
3. III. ВОЗМЕЗДИЕ	10
4. IV. БЕДА	15
5. V. ВАРВАР	18
6. VI. МУЖЕСТВО	22
7. VII. ЧУДО	27
8. VIII. ЯРОСТЬ	30
9. IX. ПРОЩЕНИЕ	35
10. X. СПАСЕНИЕ	41
11. XI. ПОКАЯНИЕ	46
12. XII. ВЫБОР	52
13. XIII. ПРИМИРЕНИЕ	55
14. XIV. ОЗАРЕНИЕ	62

I. ИСПЫТАНИЕ

Епископ Мирликийский смотрел в средиземноморскую даль. Грозовые тучи, как вражеская армия перед атакой, покрыли линию горизонта и метали молнии во все стороны. Надвигающаяся буря болезненно отзывалась во всех суставах. Епископ медленно провёл рукой по колену, будто проверяя, слушается ли его тело. Его мучила какая-то странная костная болезнь, которая осталась после десятилетнего заключения в сырой камере, куда его бросил ненавидевший христиан император Диоклетиан.

Но епископ не таил зла на бывшего властителя Рима. Даже наоборот! Как ни странно, именно в заключении епископу открылась удивительная способность — глубоко погружаться в молитвенное состояние, проваливаться в духовность и летать по вечности.

Слава Богу, новый император — Константин — принял крещение сам и даровал христианам свободу. Тогда епископ смог

возвратиться в родную Миру, где уже пятый год он совершал служение в Базилике Святой Благодати.

Во дворе храма обычно царил мир; даже ветер, приносивший дыхание надвигающейся бури, не мог поколебать этого умиротворения.

Но тишина в тот вечер, всё-таки была нарушена грохотом деревянных колёс колесницы. Перед епископом предстал сам губернатор Миры — Марцелл.

Он поклонился епископу в ноги, а епископ удивился:

— Великий правитель Рима — и без свиты? Скажи, какая нужда привела тебя?

Губернатор присел рядом и ответил:

— Отец мой, ты знаешь о засухе. Урожай пшеницы погиб, и мне пришлось открыть городские запасы. Теперь амбары пусты, а казна не может купить новое зерно. Если ничего не изменится — Мира скоро узнает голод.

Епископ задумался:

— Как же я могу помочь? Ты пришел просить денег у церкви?

— Нет, отец мой... Я прошу всего лишь чуда. Я поклялся императору Константину сохранить здесь мир. Если начнётся голод, толпа сожжёт и мой дворец, и мою должность.

Епископ кивнул:

— Скажи, сын мой, что ты называешь чудом?

Марцелл ответил сходу, будто бы он готовился к такому вопросу:

— Чудо — невозможное, совершенное для людей Богом.

— Если так, обратиться к Богу.

Марцелла восхищала логика епископа, но теперь он был несколько озадачен и ответил:

— Я бы с удовольствием, отец мой, но Бог слишком высоко в иерархии. К заоблачному начальству обращаются через посредника. Вот ради этого я перед тобой.

— Почему ты думаешь, что Всемиловитый услышит мой шепот, и не услышит твое твердое слово?

— Ты святой...

— Дающий каждой душе жизнь, слышит её прежде, чем она заговорит.

— А что ты называешь чудом, отец мой?

Епископ взвесил ответ:

— Чудо, это знак Бога, напоминающий людям о том, что Он рядом. И еще, чудо происходит там, где человеческое сердце искренне верит и творит добро.

Марцелл задумался:

— Ты утверждаешь, что люди причастны к чуду?

Епископ мягко улыбнулся:

— Очевидно — Бог предпочитает творить чудо руками людей.

— Как же?

— Кто-то прощает, имея право мстить; кто-то признаёт вину, ломая гордость; кто-то отдаёт последнее, потому что иначе не может...

Марцелл сказал:

— Я не совсем понял... Чудо руками человека?

Епископ ответил:

— Тихие чудеса Бог совершает руками людей. Да! Чудо — когда богатый ночью оставляет мешок хлеба у двери семьи, где дети голодают. Чудо, когда юнцы смело идут в опасность ради спасения города. Чудо, когда враги садятся за один стол и выбирают прощение.

Марцелл тихо спросил:

— Выходит... Я тоже могу стать чудотворцем?

— Каждый может.

— Как стать чудотворцем?

— У каждого свой путь, сын мой. Ты, будучи правителем, мог бы совершить немало доброго. Помнишь ли девицу по имени Каллиста? Она жила на окраине Миры, у самого речного берега.

Марцелл припомнил:

— Утопленница?

— Она была скорее жертвой человеческой вражды и жестокости времени. После набегов варваров отец её лишился всего и, не вынеся разорения, сам наложил на себя руки; мать вскоре также отошла к Господу, и девица осталась одна. Доведённая до крайней нужды и не желая идти в дом блуда, ибо иного исхода уже не видела, она в отчаянии бросилась в реку.

— Как её можно было спасти? — спросил губернатор.

— Прекратить вражду и восстановить мир между людьми разных верований и разных убеждений. Если бы народ жил в мире, многих можно было бы спасти. Я мечтаю, наступит день, когда ненавидевшие друг друга, алчущие крови, разорения и гибели, найдут в себе силы простить и станут жить рядом — в полном согласии.

Губернатор ответил:

— Этого не быть, отец мой, также, как волк никогда не будет пастись с овцой мирно на одном пастбище...

Епископ ответил:

— Очевидно — нужно чудо. А ты правда хочешь стать чудотворцем?

Губернатор был в замешательстве:

— Но я далек от чудес... Но, если скажешь... Как к этому идти?

Епископ сказал:

— Брать на себя ответственность, говорить только правду, удерживать другого от греха, принимать чужого ребёнка как своего и прекращать цепочку зла... Вот настоящие чудеса.

Марцелл кивнул:

— Я понял... Позволь теперь вернуться к делу. Как же быть с зерном?

Епископ снова посмотрел на море, где на горизонте все сильнее вспыхивали молнии.

— Я помолюсь, но чудо — прерогатива Бога... Помогите мне встать, Марцелл, перед бурей суставы болят нестерпимо и не слушаются... Пойдём к алтарю вместе.

Марцелл помог встать епископу и тихо сказал:

— Моя грешная душа неспособна на искренность. У алтаря я буду только мешать. Лучше вернусь к управлению городом. Тем более, ты не один. С тобой светящийся, живой мраморный крест.

Епископ молча кивнул и направился к храму, прихрамывая.

Марцелл остановил его вопросом:

— Так чьими руками Бог отправит нам спасительное зерно?

Епископ ответил вопросом на вопрос:

— Что если эта буря несёт тебе зерно?

Марцелл взглянул на епископа с удивлением:

— Буря несёт только смерть.

— Неисповедимы пути Господни... — проговорил епископ, и тут порыв ветра приоткрыл дверь храма, и огонь лампы внутри вздрогнул.

II. НАДЕЖДА

Высокая волна с бешеной силой обрушилась на правый борт огромного торгового судна «Корбита-Гигант», но оно и после этого осталось на поверхности воды...

Матросы отчаянно налегали на вёсла и с тревогой следили за бушующей пучиной.

Кормчий Леонтий всеми силами старался держать нос на волну, но пока это у него не получалось, и он кричал боцману:

— Эй, Дорофей! Штормовой ход! И пусть гребут сильнее!

А боцман Дорофей командовал матросами до хрипоты:

— Кто весло не держит, тот утонет первым! Раз-два! В ритм налегай! Не для славы, сынки, а для жизни гребите!..

Тем временем капитан корабля, опытный моряк Артемий, внимательно следил за действиями команды. Он понимал, что любая из этих волн может потопить корабль и чтобы избежать катастрофы, Леонтию нужно поймать волну носом корабля. Кормчий Леонтий и боцман Дорофей прекрасно знали своё дело, а матросы очень старались. Если они не смогут удержать корабль

на плаву, никто на свете этого не смог бы... Поэтому Артемий не вмешивался. Было очевидно: команда делает всё, что возможно.

Рядом с Артемием на палубе стоял торговец Лукреций. Он обнимал мачту, всячески старался не упасть и отчитывал капитана:

— Говорил я тебе: надо выходить раньше, тогда шторм нас не догнал бы.

— Перестань! — возразил Артемий. — Сто раз тебе объяснял, что перед каждым плаванием корабль нужно подготовить и проверить. Мы уже были бы на дне, если бы я не починил корабль.

— Не забывай: мой товар уйдёт в море — я тебя утоплю на суше!

— Хватит давить палубу жадностью! Лучше помолись Богу!

Лукреций выпалил со злостью:

— Молитва — сказки для рабов... Мой бог — серебро, а моя библия — договор. Не смей рвать мою библию. Довези мою собственность до Константинополя, как и обещал!

Тем временем Леонтий поймал волну, но потом корабль опять развернуло боком.

Боцман охрип, но кричал ещё громче:

— Слушать, как приказ императора: не смотреть в небо — там гром! Смотреть на воду — там работа!

— Налегай на вёсла до крови! — орал Леонтий.

По кораблю ударила ещё одна волна. Капитан ухватился за борт и приказал:

— Работать лихо, молиться тихо!

Лукреций поскользнулся, упал, поплыл по палубе, ударился головой о борт и потерял сознание... Волна подхватила торговца, и, если бы не боцман, его бросило бы в пучину.

Капитан понял, что дела хуже некуда, и бросился на колени.

— Господи Иисусе Христе! — воззвал он к небу. — Я умею держать штурвал, но держать сердце не умею... Помолись за нас и вдохнови святых, которые вымолят нам чудо... Нам нужно чудо!

Солёная пена заливала глаза, и оглушённому капитану показалось, что сквозь вой ветра пробился запах... ладана.

На грани бреда, вместе с ароматом мирры, сквозь стену дождя проступил силуэт старца у алтаря. В левой руке он держал догоревшую свечу. Воск полыхал у него прямо на ладони, но старец не чувствовал боли и продолжал исступлённо шептать молитву, будто принимал весь удар стихии на себя.

И капитан услышал слова:

— Господи Иисусе Христе, Ты Словом силы Своей держишь небо и море, и промыслом Твоим управляется всё видимое и невидимое. Ты — миротворящий Источник, ведёшь заблудших и собираешь рассеянных. Накорми всех светом Твоим и напои всех нектаром Твоего блаженства, и не дай погибнуть никому. Да живут все, кто был создан для жизни и славы Твоей. Услышь меня, недостойного епископа, стоящего у Твоего алтаря, и прими ходатайство за всех моряков, которые попали в беду. Прости их, ибо они думали, что жизнь и смерть — в их руках, и не понимали, что всё Твоё. Укрепи всех кормчих. Дай им разум поймать гребень и твёрдую руку, чтобы держать нос на волну. Укрепи всех боцманов и гребцов: каждого на берегу ждут мать, жена, дети. Исцели всех купцов, чей ум обвязан серебром. Отними у них сердца каменные и дай им плотяные, чтобы они познали Творца и возлюбили истину больше договора. Пошли ангелов Твоих, да станут вокруг мачт и бортов и отведут удар волн. Пресвятая Богородица, Покровом Твоим укрой их. Пусть буря станет для них наставлением, а спасение родит смирение и приведёт их к

Церкви. Но да будет воля Твоя. Если же придёт их час, прими их с милостью — и меня вместе с ними. Аминь.

Капитан не просто слышал эти слова извне — они звучали у него в душе! И он видел, как обгорела левая ладонь молящегося святого, на которой всё ещё полыхал воск свечи, а в правой ладони засветился мраморный крест...

Удивительно было, что к концу молитвы слова звучали еле слышно, но в сердце они отзывались всё громче.

А потом видение исчезло.

И капитан услышал радостный возглас кормчего:

— Я поймал тебя! Мы прорезали гребень...

А обезумевший боцман совсем охрип, но всё равно кричал:

— Держать строй! Пока я стою — вы стойте! Пока я командую — вы гребёте!

III. ВОЗМЕЗДИЕ

Море стало тихим и гладким.
Солнце грело берег.

От вчерашней бури не осталось и следа.

А ветерок и игривые волны пригнали к Мира сильно повреждённый торговый корабль «Корбита-Гигант». Он качался на воде, раненый, но не побеждённый. Парус висел тяжёлой тряпкой, обломки досок и снастей валялись повсюду. Люди на палубе шатались, как после битвы. Вымотанные матросы, несмотря на изнеможение, радовались спасению и из последних сил откачивали воду из трюма.

Горожане дивились размерам судна. Дети прыгали, перекрикивая друг друга, и громко обсуждали чудо: таких кораблей маленькая Мира никогда не видела.

Командир стражи гавани немедленно послал гонца к губернатору и приказал команде корабля оставаться на борту до прибытия главы города.

Тем временем капитан Артемий стоял у рубки, а торговец Лукреций только очнулся... Голову у него ломило после удара, но, увидев, что его товар спасён, он забыл обо всём и на радостях решил отблагодарить капитана.

Глубоко вдохнув, он заговорил так, чтобы слышали все:

— Капитан Артемий, признаю: я не верил в тебя! Не каждый смог бы удержать корабль в такую бурю. Но ты спас мой товар, своё судно... ну и этих людей тоже.

Он окинул матросов взглядом — как будто они были частью палубной утвари, — и с ещё большей важностью продолжил:

— Зря меня зовут жадным. Я умею ценить службу и докажу это!

Он полез в поясной кошель, вынул медную монету и — с видимым нежеланием расставаться с ней — всё-таки вложил её Артемию в ладонь:

— Вот. За твою верность, смелость и службу.

Артемий рассмотрел монету и сказал громко:

— Благодарю, Лукреций. Дар твой ослепляет. В этом городе я найду лучшего ювелира и попрошу его распилить эту монету на сорок равных частей. В нашей команде ровно сорок человек. Пусть каждый моряк унесёт твоё великодушие и обеспечит процветание своей семьи.

Торговец странно оскалился, но промолчал.

Артемий продолжил твёрдо:

— Только скажу тебе вот что, Лукреций. Награду заслужил не я, а тот, кто вымолил нам чудесное спасение.

— Перестань! — вспыхнул Лукреций. — Никто за нас не молился!

В этот момент к кораблю подошли три лодки. На палубу поднялись солдаты, быстро заняли места у трапа, у мачты, у кормы — и вслед за ними на борт ступил губернатор.

Он окинул взглядом разбитое судно и произнёс отчётливо:

— Я Марцелл, наместник императора Константина в этих землях. Вы вошли в гавань Миры — и теперь ваш корабль под защитой имперского порядка.

Он перевёл взгляд на капитана:

— Назови себя, капитан. Скажи, откуда вы и куда плывёте?

Артемий выпрямился:

— Я капитан Артемий. Корабль был зафрахтован в Александрии купцом Лукрецием для перевозки товара из Египта в Константинополь. Плавание шло хорошо, но ночью буря едва не отправила нас ко дну. Однако мы были спасены — по воле Божьей.

Марцелл посмотрел на торговца внимательнее.

— Лукреций... Имя знакомое. Чем ты занимаешься?

Лукреций натянул улыбку и вдруг притворился маленьким и жалким:

— Господин правитель... я простой купец. Покупаю здесь, продаю там. Еле-еле семью кормлю.

— Простой купец, — повторил Марцелл. — Тогда ответь просто. Помнишь городскую раздачу зерна в Риме десять лет назад?

Лукреций моргнул:

— Что ты имеешь в виду, губернатор?..

— Мешки, — сказал Марцелл. — Сверху — сухое, чистое зерно. А ниже — влажное, специально намоченное, чтобы прибавить вес.

Лукреций побледнел.

Марцелл продолжил, не повышая голоса:

— Влажное зерно прело, половина уходила в мусор. Некоторое время жулику это сходило с рук: писец из комиссии получал своё.

А я тогда был представителем сената и поймал писца на обмане...
Но купец исчез.

Он сделал шаг ближе:

— И звали того купца, как и тебя, Лукреций. Что тебе известно об этом деле?

У Лукреция дрогнули губы:

— Господин правитель... прошло много лет...

Марцелл вдруг сделался очень грозным и потребовал ответа:

— Скажи прямо: это ты обманывал весь народ?

— Я ни при чём... Во всём был виноват писец. Завистники пустили ложный слух...

Марцелл кивнул:

— Я тебя узнал сразу. И теперь понимаю, что на этот раз ты от моего правосудия не улизнёшь...

Лукреций схватил руку губернатора, поцеловал её и сказал со слезами:

— Господин мой... Что я мог сделать? Всё это было давно, а теперь мы ведь можем договориться...

Марцелл оттолкнул нечестного купца и ответил с угрозой в голосе:

— Ты ответишь по закону. Охрана! Под стражу жулика.

— Нет... — выдохнул Лукреций, но солдаты уже схватили его и связали.

Артемий сказал негромко, но так, что услышали все, кто стоял рядом:

— За каждым штормом приходит штиль. И за каждым проступком — свой суд.

Марцелл кивнул на трюм:

— Что за груз?

— Зерно в мешках, господин губернатор, — ответил Артемий.

Марцелл был поражён...

— Зерно? — тихо произнёс он и добавил: — Выходит, епископ знал... Но как он мог знать?..

На берегу началось движение. Солдаты расступились, и на палубу поднялся епископ Мирликийский. Он улыбался так, что от этой улыбки становилось легче дышать. Увидев связанного Лукреция, он всё понял и сказал ему:

— Помолись, сын мой, и покайся! Господь смотрит на рану твоего сердца. Я вижу: страх нищеты сделал тебя жестоким, а жажда богатства ослепила твой разум. Ты пал от слабости — и я молю Бога пробудить в тебе покаяние, смягчить твою душу и помочь тебе стать иным человеком. Иисус пришёл искать заблудших. Обратись к Нему искренним вздохом — и Он примет тебя, как отец принимает блудного сына.

Лукреций отворачивался, а епископ говорил всё тише. К концу речи он почти замолк, и в его руках загорелся мраморный крест...

Увидев светящийся крест и ожог на ладони епископа, Артемий вдруг узнал старца из своего морского видения. Тогда он бросился ему в ноги и воскликнул:

— Отец... я тебя узнал! Ты вымолил нам чудо!

Одновременно к ногам епископа бросился и губернатор:

— Отец... ты святой человек! Прости, что я не до конца верил в тебя как в чудотворца... Смотри, буря пригнала нам корабль с зерном... Как ты мог знать?

Епископ ласково обнял сначала капитана, потом губернатора и сказал:

— Благодарите не меня, а Господа Бога, ибо не молитва спасает, а воля Его.

IV. БЕДА

Епископ Мирликийский шёл пешком по ночному городу к своему храму. В такой поздний час Мира спала — богатые кварталы, тёмные закоулки и рыночные площади лежали в тишине.

Епископ любил ходить ночью и молиться в своём сердце. Он верил, что, проговаривая слова молитвы, разделяет со спящими людьми тяготы их жизни и помогает им увидеть каплю света.

Перед молитвой он доставал из кармана свой талисман — крест из редкого белого мрамора с острова Парос. Во время молитвы мраморный крест обычно светился изнутри и будто усиливал её.

Проведя пальцами по гладкой поверхности камня, епископ вознёс такие слова:

— Господи, Ты знаешь каждого спящего лучше, чем он знает самого себя. Кто лёг с миром, а кто — с тоской; кто укрылся от холода, а кто — от страха; кто благодарит Тебя, а кто забыл о Тебе вовсе. Утешь там, где сердце сжалось; сохрани хотя бы

малую искру там, где надежда угасла; услышь даже того, кто стоит у самой тьмы. Будь же покровом для детей, для больных, для вдов и для одиноких, прежде чем придёт утро. А мне дай сострадание в сердце, чтобы угодить воле Твоей!

Он прислушивался к дыханию ночного города и повторял эту молитву. С каждым разом она становилась всё тише и в то же время всё сильнее.

В самом конце узкой улицы бедняков, где теснились обветшалые деревянные жилища, в одном окне горела лампа. Епископ замедлил шаг. Изнутри донёсся сдержанный, тревожный разговор и тихий плач.

— Я не знаю, как быть... Я в отчаянии... — говорил мужчина.

Епископ узнал голос добропорядочного скотовода Лисания — того, кто часто приходил в храм с женой Феодорой.

— Всё в руках Господа, — отвечала Феодора. — От Него у нас достаток, от Него же — испытания. Мы выдержим.

Лисаний заговорил снова, и голос его дрогнул:

— Я родился бедным. Я помню день, когда выкупил первую овцу у соседа — за целую зиму работы. Потом мне везло: удачные ягнения, добрые годы, честный труд — и с годами моё стадо выросло до тысячи голов. Я думал, что процветание — навсегда, но теперь... Варвары под предводительством злодея Витариха угнали всё моё стадо. Я разорён.

Феодора ответила почти шёпотом:

— Это настоящая беда...

Лисаний продолжил:

— Как мне смотреть в глаза нашим девочкам? Они такие же красивые, как ты, Феодора. Я мечтал о достойных свадьбах... А теперь мне нечем купить вам хлеб. Где взять их приданое? Мне страшно думать, что с ними будет...

Епископ слушал — и внутри него вспыхнуло воспоминание. Семнадцатилетняя Каллиста. Тоже неимущая, без приданого... Она вышивает красный платок — как надежду на радужное будущее. Разорившийся отец уходит из жизни. Больная мать не выдерживает. А советчики говорят: «Ты красивая — не пропадёшь». Бедность унижает... Блудный дом... Стыд и... Молодой епископ Мирликийский молится у реки... Ленивая река уносит красный платок к морю. Ветерок возносит душу к Небесам... В руках молодого епископа светится крест, освещающий душу утопленницы...

Она прожила бы счастливую жизнь, родила бы детей, несла бы свет, если бы люди не враждовали и не грабили друг друга.

— Бедность — смертельная болезнь... — сказал сквозь плач Лисаний.

За окном повисла тишина, и погасла лампа...

Епископ направился к своему храму и вознёс молитву:

— Пастырь заблудших и Утешитель сокрушённых, услышь плач Лисания и его жены... Не попусти, чтобы бедность толкнула их в стыд и погибель, и не дай их отцу пасть в отчаяние и поднять на себя руку. Красота отдаётся за хлеб, а сердце ломается от унижения. Пошли им помощь прежде, чем придёт соблазн. Да не будет ни одной Каллисты, погибшей из-за вражды... Аминь.

Яркая луна освещала дворик базилики Святой Благодати. Она показалась епископу особенно загадочной и величественной.

Непонятно откуда пришла мысль: «Чудо начинается лишь там, где человек делает шаг к чуду...»

Епископ остановился, перекрестился и вдруг ясно понял, что ему надо делать прямо сейчас, в эту лунную ночь. Как будто сам храм подсказал ему ответ...

V. ВАРВАР

В оинственный вождь племени вестготов Витарих проснулся от жуткого сновидения, сел на постели и замер, обливаясь холодным потом.

Его жена Родагайда давно не спала и наблюдала, как муж мечется во сне.

Они ночевали в большой телеге, завешанной тёмной шерстяной тканью. Это был их передвижной дом.

Родагайда зажгла лампу, подала мужу воду в бронзовом кубке и спросила строго, но не без сочувствия:

— Опять тот же сон?

Витарих перевёл дух, кивнул и хрипло ответил:

— Мы проезжаем жизнь на колёсах... Это страшно.

Она нежно провела рукой по бороде мужа и постаралась успокоить его:

— Мой храбрый Витарих... Ты гроза всего побережья, а сам боишься призраков?

Витарих осушил кубок, пролив половину ледяной воды себе на грудь, и рявкнул:

— Призраки не пугают вождя!.. Но этот сон с каждым разом становится всё явственнее... Я уже путаюсь: где явь, где сон... — Он вдруг внимательно посмотрел на жену и добавил: — Может быть, там всё по-настоящему, а сон — это ты?

Родагайда опешила от этих слов, потом возмутилась, вспыхнула и так сильно ударила мужа кулаком в лицо, что он слетел с постели на пол. В порыве бешенства он схватил свой трофейный римский меч, вскочил и замахнулся на жену, будто и впрямь был убеждён, что она — его сон.

Голова Родагайды слетела бы с плеч, но она тоже была искусным воином и успела вскинуть свой германский кованый клинок, с которым всегда спала.

Оба молниеносно встали в стойку.

— Жена вождя слишком живая, чтобы жить в твоей мутной голове! — огрызнулась она.

Витарих оскалился:

— Ты ведьма!

Они сцепились, как звери. Полетела утварь, загремела посуда, покатился бронзовый кубок... Не впервые: однажды из-за такой ссоры под их ногами вспыхнуло разлитое масло, и они едва не сгорели заживо.

Витарих остыл уже через минуту, швырнул меч на пол и так взвыл, что на шее у него вздулись все жилы:

— Хватит. Давай осядем.

Она тоже бросила оружие и обняла мужа.

— Всё, что скажешь, — я за тобой...

— Я научусь выращивать пшеницу... — сказал Витарих уже совсем тихо. — А ты родишь мне детей! И мы никогда больше не будем спать с оружием... Мои ночные грёзы — только об этом!

Родагайда шепнула:

— Осядем. Но нам осталось последнее дело! Надо взять этот город у моря, и ты должен подарить мне Белое Пламя.

— Да! — ответил он.

У неё загорелись глаза:

— Золотое ожерелье с крупным жемчугом, тяжёлое, как власть, и светлое, как зимний огонь... Оно должно царить на моей груди... Потом осядем.

Витарих посмотрел на неё с восхищением и уже ясно понимал, что она вовсе не сон.

— Я завоюю тебе Белое Пламя и хочу увидеть его на твоей шее.

В этот миг занавесь повозки раздвинулась. На пороге стоял Вульфил, маршал лагеря и брат Родагайды:

— Вождь, господин мой, сыны племени готовы к набегу. Ты обещал им много крови и жареного мяса после битвы...

Витарих отбросил последние сомнения, кивнул и вышел из своей повозки, высоко подняв меч.

Толпа воинов вокруг повозки взревела:

— Слава отцам!

— Вождю!

— Веди нас к победе!

Витарих заревел в ответ:

— Волки, за мной! Этот день врежется римлянам в память кровью и железом!

Родагайда одобрительно кивнула: вот он — её вождь!

— Кому прикажешь охранять обоз? — спросил Вульфила.

— Оставь Видимера с Фритигером.

Вульфила удивился:

— Если ударят на обоз, они дрогнут: твёрдости не хватает.

Витарих ответил:

— На маня руку поднимет только тот, кому надоела жизнь.

Среди римлян нет таких безумцев!

Минуту спустя две сотни вооружённых всадников уже скакали к городу Мире, оставив на холме десятки повозок и всё своё награбленное богатство.

VI. МУЖЕСТВО

В то утро город жил спокойно, всецело доверившись страже у ворот. Но чувство безопасности было ложным.

Главные сухопутные ворота охраняли лишь десять дозорных. Ещё десяток солдат из небольшого губернаторского гарнизона патрулировал улицы. У малых ремесленных ворот стояли ещё восемь стражников. Ими командовал тучный гвардеец Теренций. Вот и вся городская защита. Что она могла сделать против двух сотен разъярённых, прекрасно вооружённых вестготов?

К тому же день был выходной, и дозорные позволяли себе расслабиться.

Теренций сидел в караулке у стены, возле ремесленных ворот. В руках он держал табличку и стилус, лениво отмечал редких входивших и выходивших и зевал. Его подчинённые праздно болтали, обсуждая долги перед лавочником, микстуру от боли в спине и красивых девушек на рынке, но Теренций им не мешал. Он внимательно прислушивался к трём новобранцам, почти мальчишкам, которых никто не воспринимал всерьёз.

Их звали Северус, Пруденс и Виртус, и никто не ждал от них ничего, кроме ошибок. К Теренцию их приставили три недели назад, и с первого дня они ему не понравились: уж слишком любили критиковать всё вокруг.

И теперь они стояли в стороне и обсуждали всё, что, по их мнению, было плохо: охраны мало, перед врагом город беззащитен, а губернатор должен бы обратить на это внимание, но не делает этого.

В этот выходной отдыхали и ремесленники. Поэтому все мастерские стояли закрытыми, кроме одной.

Ювелир Калликрат не знал отдыха: работы у него было по горло. Он славился по всему Средиземноморью, и его украшения носили, как судьбу. Несмотря на преклонный возраст — в свои шестьдесят он считался глубоким стариком, — Калликрат поражал всех живостью и бодростью духа. С раннего утра он уже был на ногах, в льняной тунике и кожаном фартуке, точил инструменты и оживлял драгоценный металл.

Жил он прямо в мастерской; семьи у него никогда не было, но он усыновил троих подростков, и те стали его подмастерьями. Их звали Игнис, Лапис и Аэр.

Со временем все трое прекрасно освоили искусство. Игнис был как огонь: лучше всех плавил металл и отливал формы. Лапис научился гравировать и работать тончайшей иглой. Аэр вырос в ловкого продавца: торговал, вёл расчёты и заведовал доставкой.

В тот день Калликрат сказал им:

— Пусть все отдыхают дома, а нам, мальчики, сегодня надо завершить десять крестильных крестиков для епископа и доделать крупный заказ сирийских купцов.

Работа закипела, и вдруг город сотряс отчаянный крик со стороны главных ворот:

— Варвары! Нас атакуют! Закройте ворота!

Минуто спустя город превратился в ад: крики, плач, топот, паника, пожар.

Теренций выскочил из караулки, оставил новобранцев держать пост у малых ворот, а сам со всеми остальными опытными стражниками бросился на крики — биться с варварами.

Калликрат всегда был готов к неожиданностям и потому действовал уверенно.

— Несите драгоценности в тайник и сами прячьтесь туда же! — приказал он подмастерьям.

Их тайником был замаскированный подвал. Игнис, Лапис и Аэр в считанные секунды исполнили приказ и помогли Калликрату спуститься вниз по крутой лестнице. Едва они успели прикрыть тайник изнутри, как в мастерскую ворвались Витарих и Родагайда. Витарих принялся, почувствовал запах горячей меди и масла, увидел тлеющий у окна ладан и понял, что ювелир где-то рядом.

Тем временем у малых ворот новобранцы Северус, Пруденс и Виртус тоже жаждали броситься в бой, но не смели оставить пост: ослушаться командира значило совершить тяжкое преступление. Однако варвары даже не глядели в сторону малых ворот.

Северус, самый строгий и внимательный, вгляделся вдаль и первым заметил то, чего другие не увидели.

— Смотрите наверх, на дальний склон холма... Там стоят повозки варваров. Наверное, всё их добро там. Давайте нападём на обоз и подожжём его. Вспыхнет огонь — они решат, что им ударили в тыл. Так мы спасём город.

Пруденс колебался:

— Мы не можем ослушаться приказа командира.

Северус уже тянулся к факелу:

— Если сейчас не действовать, город падёт.

Недолго думая, они решились: разом схватили смоляные факелы и сорвались с места.

На вершине холма они увидели целую вереницу повозок; и никакой охраны.

Видимер и Фритигер крепко спали, а между ними валялся пустой кожаный бурдюк из-под вина. Их оружие беспечно валялось в стороне. Мальчишки даже не стали их трогать: пламя пошло по повозкам страшно быстро. Сделав своё дело, они развернулись и побежали обратно к малым воротам, не оглядываясь.

Видимер и Фритигер проснулись от дыма, закашлялись и в ужасе вскочили. Трещало дерево, лопались ремни, ржали кони — все повозки уже пылали.

Тем временем Витарих и Родагайда нашли тайник, вытащили Калликрата с подмастерьями из подвала и под угрозой мучительной смерти допытывались, где золото и драгоценности.

— Убейте меня! Только не трогайте моих мальчиков! — умолял Калликрат.

Родагайда рассмеялась ему в лицо:

— Нам нужны ваши драгоценности. Свои жалкие жизни можете оставить себе.

Долго искать не пришлось: Витарих вскрыл ларец и уставился...

На самом верху лежало именно то, о чём мечтала Родагайда.

Тяжёлое золотое ожерелье, выкованное так тонко, что металл казался воздушным. В золото были посажены крупные, ровные жемчужины с холодным внутренним блеском — будто в каждой дрожало...

— Белое Пламя, — сказал Витарих, достал ожерелье и надел его на Родагайду.

Она почувствовала, будто само солнце обняло её шею тёплым золотом, а жемчужины горели, как гордость, которой завидуют.

Она сама засияла от счастья, но...

Счастье было мимолётным...

Поймав миг, пока варвары были ослеплены восхищением, Калликрат схватил чашу с горячим маслом и плеснул им Родагайде в лицо.

Она вскрикнула, схватилась за глаза и закричала:

— Негодяй меня ослепил...

Витарих взбесился, выхватил нож, замахнулся на мастера, но Игнис шагнул вперёд и принял удар на себя.

Вскрикнув, мальчик рухнул на каменный пол.

Родагайда металась, а Витарих в ярости, наверное, перебил бы всех, но в этот миг снаружи раздался отчаянный крик:

— Повозки горят!

— Обоз подожгли...

— Нападение с тыла!

Витарих выскочил на улицу, увидел высокое пламя над холмом и проревел:

— Все обратно к повозкам! Быстро!

Он схватил жену за руку и поволок её за собой. Варвары ринулись назад, к лагерю. Но они опоздали. Ветер уже раздул пожар, и, вернувшись к своей стоянке, они увидели, что вместо новых трофеев потеряли и то, чему ещё утром радовались.

Между обгоревшими повозками Видимер и Фритигер плакали, как маленькие мальчики...

VII. ЧУДО

Игнис бледнел, дышал всё тяжелее и терял сознание. Кровь стекала по каменному полу мастерской. Впервые в жизни Калликрат не знал, что делать, и плакал.

Лапис изо всех сил прижимал к ране чистую льняную ткань, но остановить кровотечение не мог.

— Ему совсем худо, — сказал он. — Одни не справимся...

Калликрат тотчас выбежал за врачом, жившим неподалёку, а Аэр крикнул:

— Нам нужно чудо. Бегу за епископом...

Лапис смочил губку уксусом, приложил её к ткани и зашептал Игнису:

— Береги дыхание. Держись... Мы тебя спасём...

Калликрат врача не нашёл: его не оказалось дома.

Зато Аэр вернулся с епископом.

Священнослужитель окинул Игниса взглядом и, ни о чём не спрашивая, сел напротив него. Он вынул из кармана мраморный крест и начал молиться:

— Сверхсущностный Богоначальник, выше имени и выше всякого разума, я, недостойный епископ Миры, возношу к Тебе сердце и прошу: дай мне веру и силу помочь этому мальчику, если на то будет воля Твоя. Научи меня молчанию, где слово кончается; введи меня в священный мрак, где Ты ближе самого дыхания и где ум перестаёт властвовать, чтобы быть ведомым Тобою.

Он говорил всё тише, и всё ярче светился мрамор в его руке.

— Я сделаю всё, чтобы очистить себя, Благодать, от того, что отягощает душу: от гнева, от тщеславия, от скрытой жажды власти, от памяти обид. Пусть я стану чистым сосудом, способным принимать Твои лучи без помутнения; и тогда низшее послушается высшего, чувства подчинятся уму, ум — вере, а вера — Твоему тайному действию.

Епископ вынул сосуд с елеем, капнул несколько капель на рану и продолжил так тихо, что его едва можно было расслышать:

— Пусть этот елей и эта молитва станут для Игниса лестницей, по которой Ты возводишь очищенных к просвещению, а просвещённых — к совершенству. Пусть огненные серафимы научат его любви, херувимы посеют в нём зерно разума, а престолы даруют ему покой. Господь мой, Тебе — честь без слов, славословие без образов, благодарение без меры. Аминь.

В мастерской наступила полная тишина. Епископ закрыл глаза и неподвижно замер. Он ушёл в молитву — или, вернее, в такое состояние, для которого у человеческой речи нет точного имени. Но в этой тишине стало легче не только Игнису, но и всем, кто стоял рядом.

Молчание длилось долго. И вдруг Игнис глубоко вдохнул. Его веки дрогнули, он открыл глаза, огляделся и присоединился к этому живому молчанию.

— Чудотворец... — прошептал Калликрат.

VIII. ЯРОСТЬ

Они думали, что ночью будут праздновать победу и жарить мясо, но теперь огонь уже не радовал — в нём тлел их позор...

Желая втоптать унижение в пепел, вестготы перешёптывались между собой:

— Витарих нас погубил!

— Он оставил обоз на пьяниц...

— Только дурак мог доверить всё Видимеру и Фритигеру.

— А Вульфила ведь предупреждал!

— Если вождь не умеет беречь своё, как он поведёт нас на чужое?

После захода солнца лагерь переполняла жажда мести, и все собрались на круг.

В середину вышел Витарих, ведя за руку ослепшую Родагайду с Белым Пламенем на груди... Он долго стоял молча. Смотрел на пепелище так, будто видел что-то страшное за пределами

сгоревших повозок. Многие смотрели на него со злостью, некоторые — с жалостью, но все ждали, что же он скажет.

Вместо него вдруг заговорила Родагайда:

— Видите, что нам осталось? Пепел, дым и срам. Всё, что мы тащили через холод, голод и кровь, сожрал огонь. Я ослепла — ну и пусть. Даже к лучшему. Я не вижу, во что обратился наш стан. Наши дома на колёсах сгорели, наши шкуры провоняли гарью, и нынче ночью мы ляжем под чужим небом, как изгнанные.

Вульфила закричал:

— Такого не прощают!

Племя загудело:

— За это режут!

— Мы найдём тех, кто сделал это с нами!

— Пусть земля напьётся их кровью!

— Пусть на их улицах будет тот же огонь!

Вульфила шагнул вперёд:

— Стократно вернём им то, что они подарили нам сегодня! Клянусь: завтра они проснутся от дыма, падут перед нами на колени и навсегда запомнят — витаринги не прощают оскорбления чести!

Толпа взвыла, как стая. Кто-то ударил мечом в щит. Кто-то уже рвался вперёд. Кто-то оглядывался на Витариха, не зная, чей голос теперь должен стать голосом племени.

И тогда в круг выступил Витарих...

Все вдруг замолкли...

Его меч блеснул, как молния, а голос ударил по толпе:

— Я знаю, что вы обвиняете меня. И вы правы. Многие из вас скажут, что я ошибся. Надо было оставить у повозок не двух сонных псов, а сильную охрану. Да, в этом моя вина. Вы должны

меня сместить и выбрать нового вождя. Он поведёт вас завтра в битву.

Толпа слушала настороженно. Вульфила стоял неподвижно, но глаза его горели.

Витарих поднял голову и заговорил странно, непривычно для всех:

— Но пока я ваш вождь, вы должны выслушать меня до конца. Всю жизнь мы жгли — и вот горим сами. Мы грабили — и вот мы обворованы. Мы унижали — и вот мы оплётаны. Посмотрите: нас поражает то же зло, которое мы несли другим!

Толпа зашумела в возмущении:

— Что он говорит?

— Он хочет оправдать позор?

— При чём тут мы?

— Это не рука Бога, это наша беспечность!

Вульфила уже не владел собой:

— Витарих, ты обезумел! Почему ты говоришь, как старуха у пепелища, а не как вождь?!

И в тот же миг в руке Витариха блеснул нож. Метнувшись молнией, он вонзился в землю между ног Вульфилы. Тот вздрогнул. Сталь могла пронзить ему сердце. В одно мгновение он понял, насколько бессилен перед Витарихом. Это отрезвило его: он отступил на шаг, склонил голову и уже с почтением сказал:

— Прости меня, господин. Я погорячился...

Витарих ударил мечом о камень, все вмиг замолчали, и он сказал:

— Я пока ваш вождь! Не забывайте, кто вёл вас к добыче долгие годы, чьё имя вы кричали, когда брали города! Кто хочет испытать мою слабость — выйди! И мы посмотрим, кто из нас переживёт эту ночь!

В круге слышалось тяжёлое дыхание.

Никто не смел остаться один на один против меча Витариха.

Тогда Витарих снова заговорил, твёрдо, но уже без вызова:

— Мы скитаемся годами. Берём города. Живём награбленным.

Нам кажется: если в руке меч, значит, мы сильнее всех и нам всё позволено. Но сегодня наши дома на колёсах сгорели, и часть вины — на мне. Я должен был оставить больше стражи, но мы получили удар по гордости, и от него не спасают ни стрелы, ни меч.

Он сжал рукоять и медленно обвёл взглядом толпу.

— Вы хотите мести. Это справедливо. Мою жену ослепили, мой стан лежит в золе. Но вы слышите только свой гнев, а я сегодня понял одно: если мы завтра пойдём на город со злобным бешенством, то зло и бешенство вернутся к нам, как вернулся этот огонь, сожравший нас.

Вестготы недоумевали; в словах Витариха они слышали нечто страшное.

Вульфилла набрался смелости, поклонился ниже обычного и спросил с подчёркнутым почтением:

— О чём ты, господин? Как разуметь твои слова?

Витарих ответил:

— Разуметь не надо. Надо исполнить. Я ещё ваш вождь, но им я долго не останусь, и я хочу, чтобы вы выполнили мой последний приказ. Готовьтесь к битве на рассвете.

Толпа вздохнула с облегчением. По кругу прокатился гул:

— Вот это другое дело...

— Значит, всё же пойдём!

— Я говорил, он не отступит...

Витарих поднял руку, и шум снова стих.

— Но я запрещаю выступать без меня. Ждите. Я вернусь к вам с вестью, которая спасёт каждого из вас. Если же я не вернусь до полудня, значит, я убит — и та весть умрёт со мной. Тогда выберете нового вождя и идите за ним!

Воины переглядывались в недоумении. Такого ещё никогда не было в истории их племени.

Вульфила спросил:

— Господин, открой нам, куда же ты пойдёшь ночью?

Вместо ответа Витарих поднял меч, резко взмахнул им и воткнул в землю по самую рукоять.

— Поговорим завтра. Если вернусь, обещаю вытащить этот меч и передать его следующему вождю. Если же вы меня не увидите, выбирайте нового сами, и он станет хозяином моего меча. И чтобы развеять все сомнения, пусть моя жена останется с вами залогом того, что я не бегу от вас и не лгу. Вульфила, прошу тебя, позаботься о своей сестре.

В ослепших глазах Родагайды появились слёзы.

Витарих наклонился к ней, на миг коснулся её плеча, потом резко развернулся и исчез в темноте, оставив соплеменников в тревожном молчании.

IX. ПРОЩЕНИЕ

Витарих шёл по тёмному лесу вниз с холма — туда, где вдали тускло мерцали огни Миры, — и не мог до конца понять, что его туда влечёт. Он знал лишь одно: ему нужно добраться до Базилики Святой Благодати. Но зачем — этого он и сам не мог объяснить.

Не раз он подвергал смертельной опасности и себя, и своё племя. Но прежде всё было ясно: они шли за добычей и знали, что за неё, возможно, придётся платить жизнью. Однако пробраться в город этой ночью и дойти до храма было, пожалуй, самым опасным делом, на какое он когда-либо решался.

Вскоре Витарих уже стоял перед городской стеной. Ворота, разумеется, были заперты и охранялись. Здесь незамеченным не пройти. Если схватят — казнь неминуема.

Но когда Витарих к чему-то стремился, остановить его не могло ничто. Даже смерть не казалась ему страшной. Быть может, там, за её чертой, наконец откроется то, о чём он тайно мечтал, — покой, тишина, уют.

Его не беспокоило, что будет после него. Разберутся. Завтра племя выберет нового вождя. Возможно, это была бы Родагайда — сильная, смелая, умная, — но теперь она ослепла. Слепой вождь не поведёт никого грабить. Значит, выберут Вульфилу. Он достоин.

Мучило Витариха другое: если он и вправду умрёт, не дойдя до храма, то так и не узнает, ради чего погиб.

Он украдкой обошёл все караульные башни, спустился к морю и понял: проникнуть в город можно только со стороны воды. Там стражу никогда не выставляли.

Повезло.

Вот он уже в городе.

Дальше потянулись узкие улочки, где он дважды едва не столкнулся с караульными. Оба раза его спасали тени, переулки и острая интуиция прирождённого воина.

Наконец он вышел к храму, и ему показалось, будто озарённая луной Базилика Святой Благодати давно ждала его. Он переступил порог, оставив снаружи грозного вождя. Во двор вошла уже не власть и не сила, а тихо мерцающая, уставшая душа, ищущая гавань.

И тут он внезапно обрёл смысл: он же идёт за чудом, и оно не сводится к трофеям...

Впервые в жизни Витарих пришёл не за золотом, а за чудотворным Словом.

Дверь храма приоткрылась, и до него донёсся голос епископа:

— Прежде всякого начала было Живое Слово. В Боге пребывало Живое Слово и не иным было, ибо Слово было Бог.

Потянуло запахом ладана...

Витарих вошёл, и у него вдруг закружилась голова.

Не оборачиваясь, епископ сказал:

— Добрый человек, скажи, что ты здесь ищешь?

Добрым человеком его никогда не называли. Он почувствовал приятную дрожь и неожиданно для себя выкрикнул:

— Чуда...

Он сделал ещё один шаг и... впервые в жизни сам опустился на колени.

Он клялся: умрёт, но не позволит поставить себя на колени.

Так умер грозный вождь по имени Витарих, и родился Человек — душа небесного происхождения...

Епископ спросил:

— За всё надо платить, сын мой. Что ты готов заплатить за чудо?

— Любую цену...

— Покаяние?

— Да!

— Прощение?

— Да!

Епископ обернулся, медленно приблизился к Витариху, положил ему руку на голову и сказал:

— Да будут отпущены тебе грехи твои. Милостив Господь и богат прощением для всякого, кто приходит к Нему с сокрушённым сердцем... Однако пришёл ты, как вижу, не только себя спасать.

Он ответил:

— Вестготы в ярости. Жаждут крови... Хочу остановить кровопролитие, и...

Витарих почувствовал комок у горла и замолк...

Епископ спросил:

— И что ещё?

Комок отступил, и он ответил:

— И дети бегают на лужайке перед домом...

И вдруг заплакал:

— Накажи меня, отец. Я устал быть зверем. Мы все устали... Если нужно, отдай меня в руки губернатора. Из твоих рук я готов принять даже казнь...

Свет лампы задрожал. По храму прошёл лёгкий ветерок.

Епископ долго молчал, потом тихо сказал:

— Понимаю тебя, сын мой. Трудно без конца брать. Но душа любит отдавать. И вот ты пришёл ныне принять то, что было уготовано тебе свыше, хотя сам не вполне разумеешь меру этого дара. Видишь тот медный кубок на алтаре? Прими то, что находится в нём. Не от меня прими, а от Него. Ибо не я ожидал тебя в этом храме, но Он — всегда близкий и милующий.

Ноги сами подняли Витариха. Он сделал три шага к алтарю и думал, что каждый шаг приближает его к смерти.

Он говорил себе, что заслуживает кары и выпьет этот яд без сожалений...

Так он поднял огромный кубок, заглянул внутрь и поразился.

— Отец, — сказал он, — не ошибся ли ты? Здесь нечего пить... Тут какой-то свиток...

Епископ ответил:

— Так прими же. Всё, что в кубке, — твоё...

Витарих развернул пергамент, но знаки молчали...

— Отец мой, я не умею читать... Что здесь?

— Дарственная грамота от Бога. То же самое, что договор...

Витарих вздрогнул:

— Договор с Богом?

Епископ ответил спокойно:

— И ты должен утвердить его сердцем.

— Что мне нужно сделать?

— Отложить прежний путь, начать возделывать хлеб, строить дома, растить детей и жить не кровью, а мирным трудом.

Витарих был поражён:

— Где?

— Если согласишься более не брать чужого и не разорять, тогда Господь дарует тебе и племени твоему землю близ Миры, где вы будете уже оседлыми людьми. В этом пергаменте — ваше будущее, покой и тишина. Но выбор остаётся за тобой.

Витарих помолчал и еле слышно спросил:

— Ты, римлянин, отдаёшь землю нам, варварам?

Епископ ответил:

— Я не могу вам ничего отдать. Всё принадлежит Богу. Земля тоже Его. Она была унаследована мною в управление. Потому на пергаменте — подпись моя...

Витарих снова упал на колени и заплакал.

— Мне трудно поверить... Это настоящее чудо... Но...

Епископ сказал ласково:

— Ты не волнуйся, земля очень хорошая! Там есть источник, который не высыхает даже в жару, пастбище для очень большого стада... Будем соседями... Хватит места для многих домов с лужайками...

— Я переживаю о другом... Они не поверят... Как мне убедить племя, что в этом нет обмана?

Вместо ответа епископ опустился на колени перед алтарём и произнёс молитву, потирая пальцами мраморный крест. Чем дольше и чем тише молился епископ, тем ярче светился камень.

— Господи многомилостивый! Ты, Который не хочешь смерти грешника, но ждёшь его обращения, прими нас в час, когда сердце наше полно тяжести, когда память о зле не даёт покоя, когда обида просит мести, а душа, утомлённая гневом, уже не знает, как

ей обрести мир. Ты знаешь, как трудно отпустить причинённое зло, как крепко держится желание воздать, как тяжело быть милосердным. Молю Тебя, научи нас даровать прощение другим, обрати содеянное нами зло в источник покаяния, и, когда брат приходит с раскаянием, освободи нас от гнева и ненависти. Даруй нам понять, что прощение — истинная победа света над тьмой в собственной душе! Да простятся нам грехи наши, и да научимся мы прощать, чтобы, отпуская другим, самим быть отпущенными Тобою. Дай молитву вместо проклятия, тихую силу вместо ярости и слезу вместо ожесточения. Да свершится в сердцах наших чудо прощения! Аминь.

Епископ замолк и погрузился в молчание.

Тихая молитва ещё долго облетала храм.

Витарих летел по этой молитве, как в спасательной лодке.

Такого блаженства он никогда не чувствовал.

Все трудности показались ему мелкими и никчёмными.

И он опять заплакал...

Слеза вместо ожесточения...

Х. СПАСЕНИЕ

В резиденции губернатора с самого рассвета собирался народ — старейшины, видные граждане Миры, торговцы, ремесленники, моряки, а также те, кто всю ночь не спал у ворот и на стенах. Люди теснились под колоннами, заполняли ступени, переговаривались, спорили, крестились, всматривались в ворота двора. Всем хотелось услышать правду о том, что произошло вчера, и своими глазами увидеть тех, кто переломил ход беды.

Конечно, все радовались спасению Миры, но тревога ещё не совсем ушла. Многие опасались скорого возвращения варваров.

Многолетняя вражда не могла закончиться одной битвой.

Губернатор Марцелл появился с восходом солнца. Он был в праздничном наряде, но глаза его выдавали бессонную ночь. Поднявшись на широкую каменную ступень, откуда был виден весь двор, он обвёл людей взглядом и заговорил так, как подобало правителю:

— Жители Миры! Вчера мы видели смерть в лицо. Если бы не мужественные защитники, нас с вами уже готовили бы продавать

в рабы. Господь не оставил нас. Дерзость новобранцев изменила исход неравной схватки, и варвары отступили.

Толпа загудела, а потом сразу в нескольких местах послышались крики:

— Слава!

— Живы!

— Победа Мире!

— Где новобранцы?

Марцелл поднял руку, прося тишины, и продолжил:

— Три юных стража, три сына Миры — Северус, Пруденс и Виртус — совершили подвиг, и потому я повелеваю: приведите сюда троих героев вместе с их командиром Теренцием. Пусть весь город услышит, как были спасены наши стены.

К ступеням подошёл один из стражей, наклонился к губернатору и что-то шепнул ему на ухо.

Марцелл слегка нахмурился, но тут же снова выпрямился и сказал вслух:

— Теренций с новобранцами будут здесь через несколько минут. Их задержало дело у ворот.

Сразу после этого вперёд шагнул Лисаний, низко поклонился губернатору и попросил слова.

— Господин губернатор, граждане Миры, вчера нас спасло чудо. Но чудеса в нашем городе стали происходить часто. Все вы знаете, что варвары угнали моё стадо, и я был разорён. Мне казалось, лучше умереть, чем дожить до дня, когда мои дочери останутся без хлеба и без чести. Но утром на подоконнике моего дома появился мешочек с золотом. Я сперва подумал, что это ловушка, однако через день появился второй мешочек, а потом — третий.

В толпе ахнули, перекрестились.

Лисаний поднял глаза к небу:

— Я не знаю благодетеля! Господь не дал мне пропасть, и три мешочка золота стали приданым для моих дочерей. Скажите, если это не милость Божия, то что же тогда милость?

Люди заговорили громче прежнего.

— Слава Богу...

— Это знак!

Марцелл внимательно посмотрел на Лисания и спросил:

— Стало быть, дочери твои теперь не останутся без приданого?

— Да, по воле Бога! — ответил Лисаний.

Тут вперёд вышел Калликрат.

Старый мастер поклонился губернатору и заговорил:

— Я не люблю пустых слов и привык, чтобы всё было ясно: серебро — это серебро, золото — это золото. Но в последние дни вокруг меня произошло столько такого, от чего не отвертишься никаким здравым смыслом... У меня нет родных сыновей. Но есть трое подмастерьев, которых я люблю, как собственных. И вот недавно ночью всем троим приснилось одно и то же: дом на узкой улице, низкое окно с огоньком лампы и три девичьи фигуры у порога.

Толпа притихла.

Калликрат продолжал:

— Утром они сказали, что им надо найти этот дом. Я сказал, что нечего гоняться за сновидениями, но благословил их. Как только они увидели дом Лисания и его дочерей, сразу поняли, что нашли свою судьбу, так как видели во сне именно это.

Марцелл прищурился:

— Так значит, твои подмастерья и есть будущие мужья дочерей Лисания?

— Да, — ответил Калликрат.

По двору прокатилась радость.

Калликрат продолжил:

— Только это ещё не всё. Вчера варвары ранили Игниса, который спасал меня. Мы не могли остановить кровь, но, когда епископ Мирликийский возвёл молитву, дыхание Игниса выровнялось, а сегодня утром он уже попросил воды и хлеба.

Люди восхитились. Марцелл медленно кивнул и сказал:

— Я верю, что вы говорите правду! Пригласите епископа.

Двое гонцов тотчас побежали к храму, и сразу после этого во двор торопливо вошёл Теренций, а за ним шли встревоженные Северус, Пруденс и Виртус.

Толпа взорвалась криками:

— Вот они!

— Слава новобранцам!

— Спасители!

Теренций поклонился губернатору, перевёл дыхание и сказал:

— Господин Марцелл, я привёл Северуса, Пруденса и Виртуса. Но прежде чем ты спросишь их о подвиге, прошу дозволения самому сказать всю правду.

— Говори, — ответил Марцелл.

Теренций тяжело вздохнул.

— Вчера у малых ворот я считал этих троих никчёмными. Тем более что они нарушили мой приказ и покинули пост. Но они заметили то, что должен был заметить я: варварский обоз на холме. Они также поняли то, чего не понял я: надо ударить по обозу. Дальше вы знаете: они поднялись на холм и, не встретив сопротивления, подожгли повозки, что спасло нас всех.

Народ ликовал.

Однако Теренций оставался хмурым и поднял руку.

Все затихли, и он сказал:

— Но это ещё не всё...

— Что же ещё? — резко спросил губернатор.

XI. ПОКАЯНИЕ

Теренций сунул руку за пазуху, достал свёрнутый пергамент, протянул его Марцеллу и сказал:

— Прочитай мой письменный доклад, господин.

Губернатор пробежал по тексту, нахмурился и спросил:

— Теренций, ты подтверждаешь всё, что здесь написано?

Командир вытянулся и ответил твёрдым голосом:

— Да, господин правитель.

Толпа сразу зашевелилась. Все хотели поскорее узнать, что там...

Губернатор свернул пергамент и сказал:

— Граждане Миры, Теренций утверждает, что новобранцы, которых мы только что называли спасителями города, неоднократно вели разговоры о слабости главы города, то есть меня, оспаривали порядок Римской империи и сеяли неповиновение.

По двору прокатился тяжёлый ропот.

— Да быть того не может!

— Надо наказывать подстрекателей...

— Выслушайте подозреваемых!

Губернатор жестом успокоил собравшихся и сказал:

— Северус, Пруденс и Виртус, вы слышали: ваш командир обвиняет вас в том, что вы настроены против римского правления. Что вы можете сказать в свою защиту?

Северус держался прямо. Пруденс заметно побледнел. Виртус хмурился и часто дышал.

Первым шагнул Пруденс и ответил:

— Господин правитель, мы виноваты лишь в том, что хотели как лучше...

Северус добавил коротко:

— Да, мы обсуждали, как улучшить защиту нашего города.

Виртус не выдержал:

— Но это же не преступление?

Марцелл перевёл взгляд с одного на другого и сказал:

— Отвечайте прямо: говорили ли вы другим стражникам, что дозоры поставлены плохо?

Пруденс опустил глаза и честно ответил:

— Говорили.

Виртус вспыхнул:

— А разве они выставлены хорошо?

Северус сказал:

— Если варвары вернутся прямо сейчас, как мы защищены?

По толпе снова прошёл шум, а Марцелл нахмурился ещё больше:

— Одно дело — увидеть недочёт, другое — расшатывать порядок в гарнизоне.

Теренций взял слово:

— Всегда так начинается: сегодня они спорят о карауле, завтра оспаривают власть и сеют смуту. Я сам слышал их разговоры.

Марцелл сказал:

— Это очень серьёзное обвинение в измене... И новобранцев надо заключить под стражу до выяснения обстоятельств! Арестуйте их немедленно...

И в этот миг во дворе раздался знакомый голос:

— Мир вам, сыны Миры!

Люди расступились и пропустили епископа Мирликийского вперёд.

Он шёл неторопливо, оглядел мальчиков под стражей, поклонился губернатору и сказал:

— Да пребудет благословение Всевышнего с тобой, правитель этого города, и да осенит Его милость твой разум. И на вас, жители Миры, да снизойдёт мир Божий, укрепляющий слабых, утешающий скорбящих и вразумляющий смятённых. Пусть свет Его не отступит от ваших домов, от ваших детей и от ваших надежд. Какая скорбь или какое смятение посетило вас ныне. Почему ваши лица омрачены, а сердца, как вижу, исполнены тревоги и ожидания?

Губернатор ответил:

— Командир дозора обвиняет спасших город новобранцев в измене.

Епископ взглянул на Северуса, Пруденса и Виртуса, затем повернулся к их командиру.

Теренций смотрел на епископа с напряжением и молчал. Тогда епископ сказал ему:

— Сын мой, берегись не только меча, но и языка, ибо меч ранит тело, а клевета ранит душу. Кто спешит осудить брата, тот сам всходит на судейское место, принадлежащее одному Богу.

Нам дано не измерять чужое сердце, а очищать собственное; не раздувать чужую вину, а оплакивать свою. Не судите, чтобы и вас не судили. Ибо нередко тот, кого мы сегодня поносим, завтра окажется ближе к милости Божией, чем тот, кто поносит.

Чем дальше говорил епископ, тем тише он звучал и тем ниже опускал голову Теренций.

— Посмотри, кого Господь назвал ближним: не гордого знатока закона, не прохожего, который отвёл глаза, но того, кто остановился, сжалился и перевязал раны. Так и ты: если видишь падшего, не прибавляй к его ране своего слова; если видишь согрешившего, не становись обвинителем, но стань целителем. Клеветник сеет тьму, а милующий возвращает человека к свету. Самарянином становится не тот, кто безгрешен, а тот, кто милосерден.

Дальше епископ говорил почти шёпотом, в его руках засветился мраморный крест, а на глазах Теренция выступили слёзы.

— Слово Божие пришло спасти, вразумить и поднять. Потому выбирай жизнь вместо смерти, милость вместо злоречия и молитву вместо пересуда. Кто удержал язык от клеветы, тот уже принёс Богу жертву чище многих слов. И тогда в твоём сердце будет судить не гнев, а Господь, Который один знает меру каждой души.

Епископ замолчал, сделал длинную паузу и спросил Теренция:

— Я вижу, что ты мучаешься, сын мой. Почему?

Вдруг все увидели, что мраморный крест в руках епископа засиял ярче, а Теренций внезапно упал на колени перед епископом и сказал, заливаясь слезами:

— Прости меня, отец... Я испугался за своё место, за хлеб для детей... Я понял, что меня, старого, отодвинут и поставят на моё место молодых героев. И тогда я написал то, чего не было...

Епископ обнял его и сказал:

— Ты отдаёшь сердце страху, когда в нём уже должно жить доверие к Богу. Где твоя живая вера? Страх только стучится издали, как чужой, зачем впускать его? Смотри на Господа, а не на свою гордыню. Страхи поселяются в доме, откуда уходит вера.

По толпе прокатился тяжёлый вздох.

Теренций встал, обратился к губернатору и сказал хрипло:

— Господин правитель, прости меня, они не готовили смуту и не подрывали власть. Они спасли наш город! Я оклеветал их. Я согрешил страхом и ложью. И заслуживаю наказания.

Марцелл сделал шаг вперёд.

— Слушайте меня, жители Миры, — сказал он громко. — Обвинение в измене снимается. Я признаю, что перед нами герои Миры!

Толпа взорвалась волной.

— Слава Богу!

— Слава мальчикам!

— Правда победила!

Но Марцелл ещё не закончил. Он повернулся к Теренцию и сказал:

— Ты же, командир, за свой ложный донос достоин сурового взыскания.

И тут неожиданно шагнул вперёд Пруденс и сказал твёрдо:

— Господин губернатор, прояви милосердие...

Виртус добавил:

— Не лишай его детей хлеба из-за его греха.

Северус подтвердил:

— Надо простить...

Марцелл с восхищением смотрел на мальчиков, затем произнёс:

— Хорошо. Я не отдам детей Теренция голоду. Но и сделать вид, будто ничего не было, не могу. С этого часа Теренций отстраняется от командования дозором, пока я не найду ему другую службу, но за ним сохраняется жалование.

Теренций плакал, как маленький мальчик...

Губернатор же обратился к епископу:

— Отец, вчера ты спас Миру от голода, сегодня ты остановил несправедливый суд. Город должен щедро отблагодарить тебя. Скажи, чего ты желаешь?

Епископ едва заметно улыбнулся и произнёс:

— Сын мой, подари Мире мир и сопроводи меня на одну встречу. Без оружия и без охраны.

Марцелл удивился, но не посмел отказать и медленно кивнул:

— Хорошо, отец, я пойду с тобой, куда скажешь, потому что ты идёшь тропинкой Бога.

Было ясно: спасение Миры ещё не завершилось.

ХII. ВЫБОР

Вестготы собрались в круг с утра, спрашивали, видел ли кто Витариха, требовали идти на город прямо сейчас, подходили к мечу и...

Он вышел из лесного тумана не спеша и сказал властно:

— Не прикасаться к мечу вождя!

Все разом замолчали, расступились.

Витарих встал в середину круга, одним мощным движением выдернул свой меч, остриём прочертил круг в сером пепле и сказал:

— Эта пыль моей вины и вашей гордыни задаёт один вопрос: как долго нам идти за нашим гневом? Не настало ли время выбрать другое?

Несколько голосов прокричали:

— Только кровь и месть!

— Нечего выбирать!

Витарих достал из кожаной сумки свёрток, поднял его высоко и сказал:

— Я предлагаю отложить злость! Этой ночью я ходил за Словом и получил намного больше, чем любой наш набег. Я принёс вам плодородную землю с родниковой водой и пастбищами, место, где можно вбить кол в землю, возделывать её и жить трудом, а не кровью.

Вестготы были в недоумении:

— Землю?... Дома?

Тут же взвились и другие голоса:

— Врёт!

— Это ловушка!

Витарих повернулся к Вульфилю и протянул ему свиток:

— Читай. Ты знаешь римские буквы.

Недоумевавший Вульфила развернул грамоту и прочитал:

— «Даруется земля близ Миры под поселение, на которой допускается ставить дома, пасти стада, возделывать землю... При условии отказа от набегов и признания закона...»

Вот теперь лагерь взбесился.

— Нам чужд их закон!

— Нас загонят в долину и перебьют!

— Лучше смерть, чем цепь!

Вульфила, еле сдерживая себя от злости, выступил вперёд и сказал громко:

— Я спрашиваю прямо, Витарих: ты был в городе наших врагов. Почему тебя не повесили у ворот? Почему вместо твоей головы нам бросают под ноги пергамент? Я обвиняю тебя в измене!.. Только предатель ночью идёт к врагу, а утром возвращается с его печатью.

Витарих взревел:

— Смерть кеветнику!

Вестготы поняли, что сейчас состоится битва насмерть...

Прозвучали голоса:

— Суд меча поднимет правого!

— Пусть сильнейший докажет истину!

— Крут решит после боя!

— Кто устоит, того признаем!

Гнев разъярённого Вульфила с сокрушительной силой обрушился на Витариха...

Никто не выстоял бы, но Витарих отразил первый удар, и вдруг из леса раздался властный голос:

— Сначала решите, кем вы хотите быть — людьми или зверями?

Голос был негромкий, но настолько сильный, что все замерли.

Вульфила опустил меч.

Витарих — тоже.

XIII. ПРИМИРЕНИЕ

Услышав властный голос, вестготы вздрогнули.

Копья, мечи и натянутые луки разом повернулись в сторону леса.

Между сосен показались два всадника — без щитов, без шлемов, без оружия.

Один был в дорожном плаще губернатора, другой — в тёмном одеянии епископа.

Такого вестготы не ожидали и, естественно, встревожились.

Толпа загудела:

— Ловушка!

— Не подпускать!

— Убить немедленно!

Витарих ударил мечом о камень и закричал:

— Не нападать! Сначала узнать, зачем гости пожаловали!

Шум сразу ослаб.

Вульфила вышел из круга с поднятым мечом и грозно спросил прибывших:

— Кто вы и зачем вы здесь?

Марцелл ответил, не повышая голоса:

— Я, Марцелл, губернатор Миры. Пришёл к вам с миром, без стражи. Позвольте нам сойти на землю и поговорить.

Каждый вестгот с детства знал, что всадник намного опаснее пешего. Они считали, что, если противник спешился, значит, он точно не желает схватки.

Вульфила молча кивнул.

Губернатор спрыгнул с коня, епископ сошёл следом.. Медленно, с явной болью в ногах, но выпрямился твёрдо.

Тут из леса выбежали трое дозорных и подтвердили:

— Они одни, засады нет.

Конечно, вестготы не убрали оружия, но уже не держали его так яростно.

Марцелл шагнул вперёд и сказал:

— Вы знаете меня. Я имею право говорить именем императора Константина и именем закона.

Вульфила спросил резко:

— Говори прямо. Зачем пришёл?

— Лишь для того, чтобы подтвердить верность дарственной грамоты, которую вам предъявил ваш вождь.

По кругу прошёл недобрый ропот.

Вульфила ответил:

— Наш вождь, мне кажется, куплен или обманут. Мы не верим императору и думаем, что вы нам лжёте.

Марцелл сказал спокойно:

— Я понимаю ваши чувства. Но скажите мне: что же для вас сильнее печати, которая стоит на дарственной грамоте?

Из толпы крикнули:

— Клятва!

— Присяга!

Марцелл кивнул и вдруг сделал то, чего не ожидал от самого себя. Он опустился на колени, возвёл руки к небу и сказал, глядя вверх:

— Клянусь перед Богом, Который видит и вас, и меня: земля близ Миры отдана вам епископом без платы, без возврата и только ради мира.

От неожиданности вестготы опешили.

Сам Вульфила растерялся и не знал, что ответить.

Епископ подошёл к Марцеллу, поднял его с колен и обратился к вестготам:

— А я пришёл к вам не с серебром и не с мечом, но со словом и с собственной жизнью. И не от себя говорю, но, сколько мне дано, служу Слову. Дар Божий не покупается и не продаётся: дар благодати подаётся даром. Не для того Бог привёл меня сюда, чтобы купить вас, но чтобы отвратить от смерти и призвать к жизни. Ибо человек есть создание Божие, и душа человеческая дороже всего! Много претерпел и я от той же власти, которой вы страшитесь. При Диоклетиане нас, христиан, били, томили голодом и терзали холодом. Кости мои и ныне помнят десять лет, которые я провёл в сырой темнице. У меня было много причин воздать ненавистью за ненависть. Но Господь научил меня иному: благодать Божия врачует душу и ведёт человека к покаянию.

Лагерь совсем затих.

Епископ продолжил:

— При новом царствовании мне возвращено было родительское достояние, но я не почёл его своим, а, сколько мог, поделил с нуждающимися. Но не всем я смог помочь. Мы все

помним трагедию Каллисты. Вы, разбойники, напали на её отца и отняли у него всё его достояние. Отец покончил с собой, и она утопилась от отчаяния. Но я не ожесточён на вас. Вы делали то, к чему вас звала природа, а у Каллисты была своя судьба. Теперь я хочу остановить вражду... Эта земля — последнее, что оставалось у меня. Я помышлял сохранить её для церковного служения, но уразумел, что будет угоднее Богу, если она станет залогом мира, чтобы больше не было таких несчастных, как Каллиста. Пусть этот райский уголок станет прибежищем для вас, а не сосудом крови, которую вы прольёте. Посему и отдаю её в дар, понимая, что вся земля Божия и Господь даёт её, чтобы живущие на ней вкушали блага земли. Вы долго ходили под ярмом страха, гнева и скитания. Выберите свободу вместо рабства, мир вместо ярости, дом вместо повозки и жизнь вместо смерти. И если послушаетесь, эта земля будет кормить ваших правнуков и их правнуков много столетий и никогда не будет пить вашу кровь.

Говоря это, епископ подошёл к Родагайде, которая стояла недалеко, достал из сумки какой-то бальзам и ласково сказал:

— Позволь мне помочь тебе, дочь моя.

Любого другого она уже зарезала бы, не подпустив ближе чем на шаг, но перед епископом она не посмела даже шевельнуться.

Епископ наложил бальзам ей на глаза и продолжил свою речь:

— Душа человеческая, как и семя пшеничное, не в воздухе возрастает, но в земле пускает корень и в терпении приносит плод. Можно и впредь жить хищением и учить детей огню и разорению вместо хлеба и мира. А можно укорениться, поставить дом, пасти стада, возделывать ниву и встречать каждое утро как дар Божий. Но учтите: если выберете остановиться, эта земля — ответственность. Вы держите ответ за принятое из рук Бога.

Родагайда попыталась открыть глаза, но епископ сказал ей:

— Рано, дочь моя. Ещё несколько минут...

Витарих выступил вперёд и заговорил твёрдо:

— Слушайте меня. Этой ночью я шёл в Миру и понимал, что мне могут отсечь голову. Но вместо наказания мне дали землю и молитву. Я больше не хочу драться. Даже если кто-то назовёт меня предателем прямо сейчас, я не вызову его на битву. Но я скажу перед всеми то, чего раньше не сказал бы даже себе: я не желаю больше вести вас от огня к огню. Я устал быть вождём страха. Если вам нужна одна только кровь — выбирайте другого вождя. Если хотите жить — стойте со мной.

Несколько голосов выкрикнули из толпы:

— А если это западня?!

— А если нас окружают, когда осядем?!

— А если завтра всё заберут назад?!

Вульфилу шагнул вперёд и сказал губернатору:

— Ваш пергамент красив, вы с нами учтивы, а старик святой. Но что удержит гарнизон, когда мы сложим оружие, и что будет с нашими потомками, когда мы все покинем этот мир?

Марцелл ответил сразу:

— Римлян удерживает закон. Пока вы живёте на этой земле мирно, мы соседи под защитой власти и закона.

Родагайда медленно подняла руку к глазам.

— Свет... — прошептала она. — Я вижу свет...

По кругу прошёл глухой шорох.

Она открыла глаза шире, будто боялась спугнуть возвращающееся зрение. Сначала различила блеск железа, потом лица, потом — Витариха.

— Господи... — выдохнула она. — Витарих...

Она подошла к мужу, коснулась его лица и долго всматривалась в него.

— Я вижу тебя, супруг мой. И вижу: ты уже не тот человек, которого вела одна ярость. В тебе стало больше силы, чем было прежде.

Потом она повернулась к Вульфиле:

— Брат мой, довольно гнева. Не противься тому, что Господь положил перед нами. Оставь ожесточение и стань рядом с нами.

Тут взгляд её упал на ожерелье.

Белое Пламя так красиво сияло...

Она коснулась его пальцами, сняла с шеи и долго смотрела на драгоценность, как будто впервые поняла, что держит в руках. Калликрат и правда был мастером от Бога.

Золото и жемчужины казались живыми; они светились, показывая, что обладательница — именно та, которая должна стоять рядом с вождём!

Она прослезилась:

— Какая прелесть!.. Я именно о таком мечтала...

Затем она подошла к епископу, вложила ожерелье ему в ладони и сказала:

— Отец мой, возврати это мастеру Калликрату. Мы причинили ему вред и ранили его сына. Пусть Белое Пламя будет свидетельством перед Богом и людьми: ни я, ни мой супруг более не прикоснёмся к чужому. Да будет у нас только нажитое трудом наших рук.

Потом она обернулась к кругу и сказала громко:

— Братья, вы свидетели чуда! Ко мне вернулось зрение... Я, как и вы, никогда не верила императору Римской империи. Я также не верила в Бога. Сейчас я по-прежнему не доверяю императору, но теперь я верю в Бога... Вот почему я иду за мужем и буду преданно помогать ему строить дом его мечты...

Витарих, тоже со слезами на глазах, подошёл к Родагайде, обнял её и сказал громко:

— Меня не убили, когда имели на это право, и я сделал выбор! Хотите мира — стойте с нами. Но не по моему приказу, а по воле каждого.

Круг молчал.

Вульфилла нервно дёргался.

Епископ взял за плечо губернатора и сказал:

— Сын мой, самое время удалиться. Надо дать возможность людям побыть наедине с Богом. Они примут своё решение.

Губернатор кивнул, помог епископу забраться на лошадь, затем сам вскочил, и они развернулись обратно.

Уже в лесу Марцелл спросил епископа:

— Что ты думаешь, отец мой, какое решение они примут?

Епископ улыбнулся своей доброй улыбкой и ответил:

— На всё воля Бога, а наше дело — принимать.

XIV. ОЗАРЕНИЕ

Минуло полвека.

На месте маленькой мастерской Калликрата вырос большой каменный дом с тремя башнями и широким двором. В нём, при одном очаге, жили Игнис, Лапис и Аэр со своими жёнами — дочерьми Лисания, — детьми и внуками.

Как и прежде, здесь всегда кипела работа. Внизу звенели молоточки, пахло горячим металлом, маслом и ладаном, а изделия уходили далеко за море — в Сирию, на Кипр, в Александрию.

Седобородые Игнис, Лапис и Аэр обычно проводили время в самой высокой башне. Они сидели возле бронзовой фигуры святителя Николая Угодника. У них было много внуков, но сюда прибегал только один.

Внук Игниса, одиннадцатилетний Филон, заходил сюда без разрешения, но ему всегда были рады. Однако он имел привычку докучать вопросами. Поглаживая бронзовые руки Николая Чудотворца, он спрашивал:

— Дед Игнис, правда, что святой Николай не родился чудотворцем?

Игнис отвечал:

— Конечно. Чудотворцами не рождаются. Ими становятся.

— А как?

Аэр объяснял:

— Надо молиться, любить и почитать Бога больше себя самого.

Лапис добавлял:

— И надо уметь делать добро так, чтобы не возвышаться над тем, кому помогаешь.

Однажды, прибежав вечером, Филон спросил дедушек:

— А какое самое большое чудо совершил Николай Чудотворец?

Игнис ответил:

— Чудеса невозможно сравнить...

Аэр сказал:

— Правда, было одно дело. Николай Чудотворец примирил заклятых врагов, и после этого в Море воцарился мир. С той поры вот уже полвека мы спим спокойно...

Филон спросил:

— А как он это сделал?

Лапис сказал:

— Своей щедростью... И вот теперь его статуя стоит так, что он каждое утро смотрит из окна и видит прекрасное готское поселение на холме и спокойные улицы Миры.

И правда, вестготы, получившие землю близ города, давно уже не жили набегом. Одни пасли стада, другие пахали землю, третьи ходили в море. Те, кто прежде приходил к берегу с огнём, теперь возвращались к нему с ветром в парусах и везли в Мирю товары из

дальних пристаней. Договор, рождённый словом и прощением, оказался крепче меча.

Филон долго смотрел на бронзовое лицо святителя и сжимал в руках маленькую оливковую ладью — свою любимую игрушку, которую Лапис вырезал ему прошлой весной.

Филон поднял глаза и спросил:

— Дед Игнис, если святой Николай помогал тайно, то как вы поняли, что он святой?

Лапис прищурился, Игнис и Аэр переглянулись, и Филону ответили все вместе:

— У нас было такое озарение...

Филон удивился:

— А это ещё что?

Ему не смогли объяснить, и тогда Филон задал другой вопрос:

— После тех чудес, которые совершил Николай Чудотворец, все уже счастливы?..

Дедушки задумались...

Некоторое время спустя, в одну лунную ночь, после того как все уже уснули, Игнис, Лапис и Аэр опять собрались на башне, и Аэр сказал:

— Братья мои, я всё думаю о том, что недавно спросил нас наш Филон. Ведь в нашем городе по-прежнему живут нуждающиеся. А чудеса давно уже не происходят...

Игнис посмотрел на скульптуру Николая Чудотворца и сказал:

— Если честно, я тоже об этом думаю.

Лапис добавил:

— Мы проводим много времени перед скульптурой Николая Чудотворца, но почему-то нам не приходит в голову так же пройти по Мира, как проходил с чудесами он?

Аэр сказал:

— Я бы желал... Представьте: люди просыпаются и находят радость не от человека, а как милость Божию. И, возможно, кто-то, уже почти потерявший надежду, вдруг поймёт, что о нём помнят...

Игнис долго смотрел на лампу, потом сказал:

— Надо делать это молча, чтобы никто не был нам обязан, и так, чтобы в этом не было ни тени тщеславия.

Они ещё раз посмотрели на святителя и немедленно приступили к делу...

На верстаке появились сушёные фиги, связки фиников, медовые хлебцы, тонкие восковые свечи и маленькие резные игрушки. Всё это Аэр быстро уложил в мешочки. Туда же он поместил деревянные фигурки ангелов и птичек, которые вырезал Лапис, свечки, которые ловко и ровно оправил Игнис, и каждый мешочек перевязал шнурком.

Вот мешочек для мальчика с Восточной улицы, который мечтал познать звёзды. Ему также положили несколько серебряных монет — чтобы отец мог отдать его к учителю грамоты.

Другой мешочек — для девочки-сироты, которая росла у суровой тётки, тянулась к письму и чтению, но тётя говорила ей, что это пустое. Для неё приготовили вощёную дощечку, стилус, небольшой свиток с притчами и маленького деревянного ангела.

Ещё один мешочек был для вдовы, которая жила возле пристани. Её муж, моряк, не вернулся с последнего плавания. Её сын остался ни с чем. Для него положили горсть орехов, шерстяную ленту и свечу.

Целая груда мешочков — для каждой семьи в Мире...

И они заторопились...

Они тихо ходили по ночным улицам и приговаривали:

— Бог есть любовь, хотя люди забывают это.

— Вот и напомним... Только не от себя!

— Пусть всякий, кто примет дар, прежде подумает о Боге.

Когда они положили мешочек на подоконник дома возле пристани, услышали какой-то странный шорох...

За углом кто-то был...

Игнис подкрался и схватил Филона, который там прятался.

— Ты что здесь делаешь? — возмутился Игнис.

Аэр и Лапис остановили его:

— Тише! Нас не должны слышать.

Филон ответил шёпотом:

— Я следил за вами, а потом пошёл следом... Тоже хочу стать чудотворцем...

Братья с удивлением переглянулись.

Аэр улыбнулся первым и сказал:

— Хорошо... Идём дальше с нами, поможешь.

Игнис спросил:

— И как ты хотел стать чудотворцем?

Вместо ответа Филон достал из кармана свою любимую игрушку, ладью, и поставил её на подоконник для мальчика-сироты, сына погибшего моряка...

Лапис прослезился, и они пошли дальше творить чудеса...

Базилика Святой Благодати как будто держала над городом невидимый покров.

Трое стариков вернулись на башню перед рассветом.

Вместе с ними — Филон...

Уставшие, но довольные...

Так в ту ночь по Море ходила милость.

Чудо не любит шума. Оно входит тихо — в ту дверь, в которую человек входит с милостью и без имени.

Особенно они гордились Филоном, которому приказали хранить тайну, и он клятвенно обещал им это.

Аэр решил всё-таки проверить мальчика и спросил:

— Кому ты расскажешь об этой ночи?

— Никому, — ответил Филон.

— Ты промолчишь даже о том, что подарил свою ладью сыну моряка? — спросил Игнис.

Филон посмотрел на скульптуру святителя и сказал:

— Конечно. Если расскажу, это будет уже не дело Бога, а похвала для меня.

Старики смотрели на него с удивлением. Они не ожидали такой мудрости от мальчика.

Он же сказал:

— Чему удивляетесь? Я хочу научиться быть чудотворцем и понял, что для этого мне надо позволить Богу действовать через себя. Надо начать с малого, не любоваться собой и не ждать поклонов. Потому что стать чудотворцем — значит сделать добро и уйти в тишину...